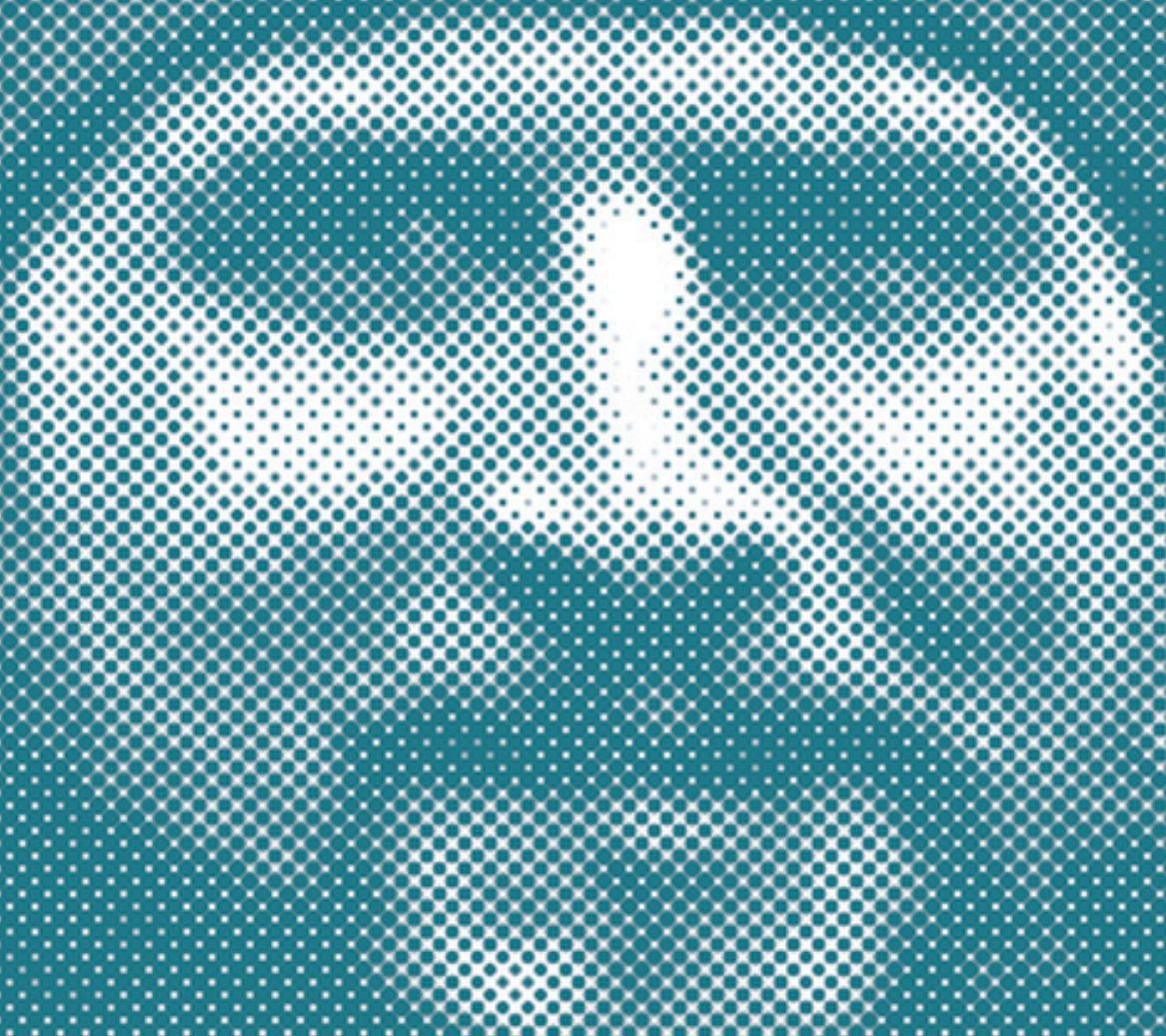

«Буду верен словам до конца»

Жизнеописание и наследие
иеромонаха Василия (Рослякова)

К двадцатилетию мученической кончины

Сборник

**«Буду верен словам до конца».
Жизнеописание и наследие
иеромонаха Василия (Рослякова)**

«Никея»

2013

Сборник

«Буду верен словам до конца». Жизнеописание и наследие
иеромонаха Василия (Рослякова) / Сборник — «Никея», 2013

Эта книга знакомит читателя с жизнью и духовным путем иеромонаха Василия (Рослякова) – одного из трех насельников Оптиной Пустыни, убитых пасхальным утром 18 апреля 1993 года. Биография, составленная монахом Лазарем (Афанасьевым), сочетается с богатым творческим наследием отца Василия – дневниками, письмами, проповедями, стихотворениями, гимнографией. Из этих фрагментов, словно мозаика, складывается образ святого нашего времени, и в жизни, и в смерти последовавшего за Христом.

© Сборник, 2013

© Никея, 2013

Содержание

От редакции	6
«Я хотел бы умереть на Пасху под звон колоколов»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**«Буду верен словам до конца»
Жизнеописание и наследие
иеромонаха Василия (Рослякова): К
двадцатилетию мученической кончины**

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную. Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

От редакции

Ранним утром 18 апреля 1993 года радостный пасхальный благовест на оптинской звоннице резко оборвался. Этим утром в Оптиной Пустыни были убиты трое насельников – иноки Трофим и Ферапонт и иеромонах Василий. Через несколько дней их отпевали по пасхальному чину, и над монастырем вновь разносился праздничный звон колоколов, возвещающий непреложность победы Жизни над смертью. Несмотря на горе и слезы, именно так – в свете Пасхи Христовой – была воспринята мученическая кончина оптинских монахов.

Убитые сатанистом иноки были среди первых паломников и послушников, возрождавших монастырь в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Это было время восстановления не только порушенных святынь, но и сломленных душ. Про Оптину того периода отец Василий написал в своем дневнике: «Здесь вновь все совершается впервые». Именно тогда иеромонаху Василию вместе с иноками Трофимом и Ферапонтом было суждено пострадать за Христа.

Прошло двадцать лет. События Пасхи 1993 года – особая страница в истории возрожденной Оптиной Пустыни. Благодаря сохранившемуся архиву отца Василия мы можем и сегодня прикоснуться к сокровенной тайне его духовного пути. Словно мозаика, из разных фрагментов творческого наследия иеромонаха Василия (Рослякова) складывается цельный образ святого нашего времени.

Телеграмма Патриарха Алексия II заместнику Оптиной Пустыни архимандриту Венедикту (Пенькову)

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! Разделяю с Вами и с братией обители пасхальную радость!

Вместе с вами разделяю и скорбь по поводу трагической гибели трех насельников Оптиной Пустыни. Молюсь о упокоении их душ.

Верю, что Господь, призвавший их в первый день Святого Христова Воскресения через мученическую кончину, соделает их участниками вечной Пасхи в невечернем дни Царствия Своего. Душой с Вами и с братией.

18 апреля 1993 г.

«Я хотел бы умереть на Пасху под звон колоколов»

Жизнеописание иеромонаха Василия (Рослякова)

Отцом Василием 15 ноября 1989 года написано: «При брезе стану, Господи, и восплачу, яко зрю Тя по иную страну вод непроходимых; обрати очи Твои, Спасе мой, и помилуй мя». Он был еще послушником, Игорем Росляковым, – менее чем через два месяца состоится постриг его в рясофор с именем Василия, в честь святителя Василия Великого. Мы еще не раз обратимся к тем поэтическим церковнославянским текстам, которые начал писать Игорь незадолго до поступления в Оптину Пустынь. А этот краткий, преисполненный глубокого духовного смысла текст мы привели здесь не даром. Едва уверовав, Игорь с редким самоотвержением потянулся к Господу – всю свою недолгую жизнь после этого он учился идти по «водам непроходимым». Помогало ему в этом покаяние – «плач», одно из существеннейших дел христианина, особенно монаха.

Игорь Иванович Росляков (так звали о. Василия в миру) родился 23 декабря 1960 года. Отец его, Иван Федорович, родившийся в 1917 году, был воспитанником детского дома, не помнившим своих родителей. Он был простой труженик, рабочий, во время Великой Отечественной войны – моряк. Это был честный и прямодушный человек, не чуждый веры в Бога. Умер он в 1979 году, когда Игорь заканчивал учение в школе. Мать Игоря, Анна Михайловна, много лет работала ткачихой на фабрике. Потом вышла на пенсию. Родители Игоря в церкви бывали редко, но сына своего крестили вскоре после его рождения.

Семья жила в Кузьминках. Этот пригород не так давно вошел в черту Москвы. Здесь сохранилось много зелени – остатки рощ и садов. Дом, где находилась квартира Росляковых, стоял в непосредственной близости к лесу, к посадкам, окружающим старинный Кузьминский парк, бывшее имение князей Голицыных. Здесь – сохранившийся флигель дворца, художественное чугунное литье оград, проточные пруды, некогда искусно насаженные аллеи английского стиля... Многие известнейшие деятели русской культуры XVIII и XIX веков бывали тут на балах, плавали на лодках при звуках музыки, громе и блеске фейерверков – историк Карамзин, поэт Жуковский... У входа в парк – храм Влахернской иконы Божией Матери, реставрация которого началась в 1992 году. Не здесь ли совершала прогулки с малышом Игорем Анна Михайловна Рослякова? В парке много цветов, птиц... Благоухающий воздух.

Учился Игорь в школе № 466, неподалеку от дома. Характер у него был самостоятельный, твердый и ровный. Школьные науки давались ему легко. С третьего класса начал он заниматься в секции водного поло и скоро стал участвовать в соревнованиях. Классный руководитель, преподавательница литературы, вспоминает: «Это был человек одаренный и отмеченный свыше. Ему рано стали знакомы понятия „долг“ и „надо“. Уже с третьего класса жизнь отрока была расписана по минутам... Он отсутствовал в школе порой по двадцать дней, уезжая на международные или союзные соревнования... А по возвращении выяснялось, что он уже прошел самостоятельно учебный материал и готов сдать сочинения и зачеты.

Это вызывало уважение учителей и „впечатляло“ одноклассников».

К 9-му классу Игорь уже мастер спорта международного класса, член сборной команды СССР по водному поло. О нем иногда писали в газетах. Но он чувствовал, что не спорт его призвание. В нем возгоралась вера в Бога. Внутренняя его жизнь была для посторонних закрыта, но близкие к нему люди кое-что замечали, впрочем – не умея понять и оценить этого настоящего. Внешняя жизнь его протекала следующим образом. После школы он около года работал на автомобильном заводе, потом поступил на факультет журналистики МГУ и, почти

одновременно, в Институт физкультуры имени Лесгафта. Тянуть два «высших» было нелегко, но в 1985 году окончил он и то, и другое.

Он состоял в команде МГУ по водному поло и со временем всех ее членов привел к Богу. Один из них вспоминает, что объездивший много стран Игорь вдруг попал в категорию «невъездных»... Начальство заметило, что он посещает церковь. «Когда, – вспоминает О. К., – уже после гибели отца Василия я со всей моей семьей и еще одним членом нашей команды крестился в Оптиной Пустыни и начал соблюдать посты, то впервые понял, как непросто поститься, даже если сидишь дома... А каково поститься на ответственных выездных турнирах, где спортсменов кормят в основном мясом, ибо спорт отнимает много сил? А ведь Игорь Великим постом даже рыбы не ел... Мы боялись проиграть, если он ослабеет из-за поста. Помню, сидим мы с ним однажды Великим постом на бортике бассейна в Сухуми, и он говорит: „Главное, чтобы были духовные силы, а физические после придут. Дух дает силы, а не плоть“. Как раз после этого у нас был решающий финальный матч... И как же стремительно шел Игорь в атаку, забивая и забивая голы! Мы победили, и пост был оправдан в наших глазах».

«Человек он был очень образованный, – продолжает О. К., – а мы тянулись за ним. Помню, купил он себе Библию за границей – и мы Библии покупать... Конечно, все это лишь потом пригодилось, но хоть по шажочку, а мы шли за ним. Помню, один человек из команды попросил Игоря написать ему какую-нибудь молитву. Игорь написал ему молитву по-церковнославянски, сказав: „Лишь монахи сохранили язык“...

Слово Игоря в команде было решающим... Зайдет дело в тупик, Игорь скажет краткое слово, и все знают – решение принято... Когда началась перестройка и разговоры про демократию, то однажды на собрании команды все тоже заговорили про демократию в спорте и как расширить ее. Говорили-говорили, а Игорь вкратце подвел итог: „Команда – это монархия. И если не подчинить игру единой воле, то какая будет игра?“ Он свято чтит память убиенного Государа нашего, Николая II, и нам привил эту любовь».

После соревнований игроков отправляли на месячный отдых к морю, а Игорь уезжал на это время в Псково-Печерский монастырь, где трудился на разных послушаниях. Существуют предположения, что исповедовался он у архимандрита Иоанна (Крестьянкина), который однажды сказал ему как бы полушутя: «Ну что, пойдем в монахи?» Возвращаясь из обители, Игорь привозил святыни – песочек с могил старцев, освященный елей. Бывал он иногда в городе Порхове у иеромонаха Рафаила, служившего там на приходе. Игорь всегда вспоминал о нем с большой благодарностью, так как получил от него немало запавших в сердце духовных наставлений. Однажды вместо Пицунды забрался он с друзьями в деревенскую глушь где-то в Тверской области и очень рад был пожить попросту, не по-городскому. В это время там похолодало, но он говорил: «Это моя погодка!»

Учителя, друзья, знакомые много рассказывали о нем. Всех случаев и событий, приведенных ими, не перескажешь, но из них ясно вырисовывается образ человека необыкновенного для той среды, где он жил. Где приобрел он те знания, ту культуру, глубоко христианскую, которым ни в школе, ни в университете нельзя было научиться? Откуда у него такая нравственная строгость, молчаливость, скромность, душевная красота? Откуда любовь к монастырям, к монашеству? Ведь рос он среди людей, в основном уже духовно обворованных, лишенных православных русских традиций... Господь ему посылал. А тем, что он имел, он всегда делился – у него был дар пробуждать в тех людях, с которыми он сталкивался, не только добрые чувства, но и уважение (по крайней мере) к религии. Даже иные атеисты хватались за голову и задумывались: «Может, мы чего-то не понимаем?..»

Высокий, сильный, красивый, он едва ли не с отрочества отверг мирские развлечения. Где-то на втором курсе МГУ женился, но через полгода брак распался, как бы и не было его. Никто среди многочисленных его друзей ни словом не вспоминает этого. И больше «не искал жены»... Его не видели гневающимся или даже просто чем-нибудь недовольным. Он никого

не обидел. Тихий и мирный, он старался смиряться и не вступать в споры, а говорил лишь тогда, когда его спрашивали. Что касается его профессии журналиста, то он получал приглашения сотрудничать в крупных московских газетах, но, зная о зависимости прессы от властей, отказывался. Он нашел иную работу – стал инструктором по спорту. Во время одной из поездок в Псково-Печерский монастырь Игорь взял благословение у архимандрита Иоанна на труд стихотворно го переложения некоторых псалмов из Псалтири святого пророка Давида. В книжечке, изданной впоследствии друзьями о. Василия, этих переложений, вернее, вариаций, – тринадцать. Написаны они были в 1986–1987 годах. Нет необходимости придирчиво разбирать их, скажем только, что это более духовная, чем литературная работа, в своем роде проба. А теперь уже ясно, что эти вариации были ступенькой к тому, что явилось позже, в монастыре уже – к церковному гимнотворчеству, которое хотя и оборвалось слишком рано, но однако успело дать первоначальный плод.

Но сначала он искал, что очень естественно и неизбежно. Кроме того, он писал стихи, «обычные», рифмованные, но и в них в основном были размышления и переживания верующего чело века. Задумал он и роман в прозе, краткий план которого сохранился в его дневнике. В печать он ничего не предлагал. Много сжигал... Очень быстро душа его отвернулась от такого мирского литературного пути. Есть свидетельство, что он не принял входивших в моду песен на духовную тему – песен под гитару, которые ему довелось услышать. «Хорошо, – сказал он, – только бутылки не хватает. Душевное это, а не духовное. Вот стихами старца Варсонофия даже отчитывать можно». Словом, он, не оставляя пока писания стихов, подошел к тому мнению, которое высказывал о мирской «духовной» поэзии святитель Игнатий Брянчанинов, сказавший: «Мне очень не нравятся... все, все поэтические сочинения, заимствованные из Священного Писания и религии, написанные писателями светскими. Под именем светского разумею не того, кто одет во фрак, но кто водится мудрованием и духом мира... А о духовных предметах надо писать из „знания“, содействуемого „духовным действием“, т. е. действием Духа... Благовестие же Бога да оставят эти мертвецы! Оно не их дело!»

Мирскому человеку, да еще талантливому, образованному, нелегко понять, что значит «мудрование»... Это не ложь. Это невозможность подавить в себе мирское, как говорит святитель Игнатий – «кровяное». Мирскому оно кажется законным. Но потому и привел Игорь Росляков в пример стихи старца Варсонофия, что этот великий наставник монахов и мирян есть именно монах... Что же думал в то время будущий отец Василий? Может быть, что не надо бросать писание духовных сочинений, а надо перейти границу между миром и духовностью: сделаться монахом. Тогда все встанет на место. Пусть мир не сразу, не скоро будет преодолен в душе, но монах, духовный воин, постигая тайны невидимой брани, стоит в истине Христовой – всегда, день и ночь, а не по временам, как есть обычно у писателей в миру. Надо перейти границу – безвозвратно.

В марте или начале апреля 1988 года Игорь начал вести своеобразный дневник. Здесь записывал он не столько события своей жизни, сколько свои размышления о тех путях – «водах непроходимых», – которые ведут к Богу. Начал он с выдержек из Св. Писания и святых Отцов. Среди них отрывок из рассуждения святителя Игнатия о христианстве: «Изучение христианства доказывает со всею определенностью и решительностью истину его. Убеждение, доставляемое правильным изучением христианства, убеждение в существовании всего невидимого, преподаваемое христианством, гораздо сильнее, нежели убеждение в существовании видимого, доставляемое чувствами».

Там записано, что утром 12 апреля Анна Михайловна нашла Игорев крещальный крестик, – и вот он его надел – «впервые после крещения, бывшего 27 лет назад».

«Явный знак Божий, – пишет Игорь. – 1) указующий (м.б., приблизительно) день моего крещения (мать не помнит) – это радостно. 2) напоминающий слова Христовы: ...возьми крест свой и следуй за Мной (Мф. 16, 26), – это пока тягостно». Вскоре настал Великий пост. Игорь

на соревнованиях в Тбилиси. «Пост, – пишет он. – Познал опытно слова Да вида: колени мои изнемогли от поста и тело мое лишилось тука. Господи, спаси и сохрани!» 20 апреля Игорь вернулся в Москву и был на литургии в Богоявленском соборе. Он часто бывает в храме и так молится, что о нем сказал кто-то, видя его на церковной службе: «Это монах молится».

Он чаще всего сжигает написанное и, хотя еще набрасывает рифмованные стихи, но большей частью их перечеркивает, оставляет в черновом виде. 28 апреля 1988 года был он на выставке живописи К. Васильева, недавно умершего модного художника. «Интересно, талантливо, красиво, т. е. душевно, – пишет он. – А хочется духа! Людям нравится, говорят – возвращение к истокам (?). Каким? Истоки Руси в христианстве, а не в дремучем лесу. Васильев, видно, увлекался Вагнером (хоронили под его музыку), есть несколько работ о Нибелунгах. Потому и в картинах о Руси тот же языческий привкус (глаза). Соколиный взгляд, волчьи глаза. А хочется побольше доброты, любви, милосердия. Но тут уже Христос: милости хочу, а не жертвы». Игорь размышляет почти одновременно о православном богослужении и о «трех видах искусства» (литература, музыка, художество). Приходит к выводу, что «слово сильнее, чем звук и цвет... Слово – достояние человека, проявление его божественной сущности... Слово было Бог (Ин 1, 1). Не звук, не цвет, а Слово!!! Иначе евангелисты должны были написать симфонии или картины, чтобы возвестить о Христе... Осмысливаем – значит сравниваем.

С чем? Со словом Божиим – оно критерий истинности всего».

Вот запись от 10 июня того же года. Это небольшое толкование на слова святителя Иоанна Златоуста: «Добродетель мы должны почитать не ради других, но ради ее самой». Игорь пишет: «Почему мы должны быть добродетельными? Почему мы должны творить добро?... Нужно сердцем ощущать вкус добродетели, ее сладость и истинность. ... Я делаю добро и через это убеждаюсь, что следую истине. Я творю добро, потому что это добро... Почему я должен быть добродетельным? Потому что я люблю добродетель».

Через несколько дней – запись в дневнике, где Игорь рассуждает о смерти. «Христианство дает знание о смерти и о будущей жизни, унижая этим власть смерти. Да, и о христианине смерть знает все, но он знает о ней ровно столько, чтобы не бояться ее. Христианство превращает смерть из убийцы во врача, из незнакомца в товарища».

Игорь уже не раз говорил матери, что хочет уйти в монастырь, но она не принимала этого всерьез, а вообще была против этого. Когда в конце июня 1988 года Игорь поехал в Оптину Пустынь, она отнеслась к этому так же спокойно, как, бывало, к его поездкам в Псково-Печерский монастырь: мол, поработает на послушаниях и вернется. 21 июня Игорь прибыл в Оптину и пробыл здесь до конца августа. Он трудился на восстановлении обители, а в свободные часы вел свой дневник и читал. Он старался достать и про честь как можно больше книг Оптиной – это удавалось: старые издания, ксерокопии, машинопись... Не все отмечено в дневнике, но упомянуты два жизнеописания преподобного Амвросия (прот. Сергия Четверикова и иеромонаха Андроника), «Оптина Пустынь и ее время» И. М. Концевича, «Историческое описание Оптиной Пустыни» архимандрита Леонида (Кавелина), «Иеромонах Климент Зедергольм» К. Н. Леонтьева. Он читал «Лествицу» св. Иоанна Лествичника. В дневнике его появляются новые выписки. Вот, например, из слова св. Исаака Сирина: «В меру жития бывает восприятие истины». Из бесед преподобного Варсонофия Оптинского: «Мир существует только до момента его окончательного самоопределения в сторону добра или зла. Мир существовал ради Тайны». Из творений святителя Иоанна Златоуста: «Единомыслие не всегда бывает хорошо: и разбойники бывают согласны». А вот и из собственных размышлений Игоря: «Темные силы злятся на нас, потому что мы, приближаясь к Богу, осуждаем их (так человек, делающий добро бескорыстно, вызывает гнев и презрение у подлецов). Мы, немощные, скотские, и то выбираем Бога и стремимся к Нему, а они, бесплотные, зрящие величие Божие, уклоняются от Него. Наше стремление к Богу для них осуждение, намек на Страшный Суд».

Игорь принял решение остаться в Оптиной Пустыни. Ему пришлось выехать в Москву для того, чтобы рассчитаться с миром: на это ушло всего лишь две недели. 15 сентября он встал на колени перед матерью... «Я, конечно, знала, что сын собирается в монастырь, – вспоминает Анна Михайловна, – но и секунды не думала, что это всерьез. И вот настал день, когда сын опустился передо мной на колени – слезы в глазах, а он меня молит: „Мама, благо слови меня в монастырь“... После отъезда сына она все время плакала. Однажды видела сон, – будто раздался звонок в дверь, и она, подумав, что вернулся сын, бросилась открывать, увидела за дверью старого монаха и захлопнула дверь... Вскоре снова раздался звонок, Анна Михайловна открыла, опять ожидая увидеть сына, но увидела незнакомую женщину со сложенными на груди руками – как для причастия... Ей смутно почудилось, что она видела ее на иконах. И тут она осторожно затворила дверь. Она не поняла, что все это означает...

17 октября 1988 года Игорь прибыл в Оптину Пустынь уже не на время. Вместе с другими рабочими и послушниками он был по селен в общей келье в монастыре, а потом переведен в Скит, в хибарку преподобного Амвросия, на половину, где и жил старец. В этот день он записал: «Пришел в монастырь. Преподобный отче Амвросие, моли Бога о мне!» Еще года не прошло с того времени, как обитель была возвращена Церкви. Шли усиленные труды по восстановлению келий и храмов. Скит был возвращен не весь – только Святые врата с двумя прилегающими к нему домиками: один бывший старцев, другой – скитона начальников. На остальной территории располагался филиал Калужского краеведческого музея, находились дома и хозяйства мирских семей.

Из домика старцев Игорь ходил на послушания. Это были ночные дежурства на вахте, разгрузка кирпича, переборка картофеля, работа в иконной лавке, в гостинице... Он имел большую физическую силу и трудился усердно. Но уже тогда он удивлял своим высоким духовным устроением. Иеромонах Д. вспоминает: «Около пяти лет мне посчастливилось прожить рядом с о. Василием, а это был удивительный человек. Помню, зимой 1988–1989 года мы жили вместе в хибарке старца Амвросия. И хотя я был послушником, потом иноком, а он простым паломником, но уже тогда я чувствовал его духовное превосходство и особую духовную красоту... Он был сугубо монашеского устроения... Ему бы, как и о. Ферапонт и о. Трофиму – в Оптину столетней давности, ибо духом они были оттуда».

Келья старцев много говорила Игорю. Вспомним, как старец Нектарий оставлял какого-нибудь паломника в одиночестве, в ком нате, где живет и не исчезнет никогда благодатный дух великих на ставников и прозорливцев. И как много она говорила чуткой верующей душе! Вот пишет Игорь в своем дневнике 3 января 1989 года: «Свято-Введенская обитель, Оптина Пустынь достопамятная, присно уповающая на милость Богоматери, на берегах реки, те кущей в живот вечный, возрастила чудное древо старчества и уподобилась еси граду, сошедшему с небес, идеже Богобитае с человеки, отымая от очей их всякую слезу, темже возликуем, братие, Христа Царя и Бога нашего воспоим и Владычицу мира Пречистую Деву восславим, яко дарова нам пристанище во спасение и наставников – отцев преподобных».

В Скиту, в домике великих старцев, будущий мученик за Христа продолжил писание церковнославянских поэтических текстов, в основном называя их стихирами. Уже по первым пробам, где церковнославянский язык еще не всегда правилен, видно, что это произведения многообещающие, созданные от сердца, вдохновленного верой в Бога. Талант церковного песнописца – явление редкое, и он, несомненно, был у о. Василия. Он и сам, вероятно, чувствовал это, так как его стихиры со дня на день становились и многочисленнее, и богаче.

17 ноября 1988 года Игорь записал: «Икона Казанской Божией Матери и икона преподобного Амвросия источали миро. Матерь Божия, укрепи нас! Старец святой, заступись за обитель!» На его глазах и при его участии из руин воссоздавалась обитель – в прошлом заштатная, ныне ставропигиальная. Ее священноархимандрит – Патриарх Московский и Всея Руси Алек-

сий II – благословил братию Казанской иконой Божией Матери, некогда изъятый богоборцами у оптинцев.

Красота места, на котором располагается Оптиная Пустынь, многими и в прошлом отмечавшаяся как имеющая неизреченную одухотворенность, навела и о. Василия на мысль о «словесности сотворенного», почерпнутую у святителей Иоанна Златоуста и Григория Богослова. «Все создано было Словом, – пишет Игорь, – и человеку, который уподобляется Слову, т. е. Христу, открывается словесная природа. Св. Амвросий куда бы ни взглянул, что бы ни услышал, везде находил эту словесность, потому он и говорил притчами, присказками и рифмами... Мир, сотворенный Словом, есть огромная Книга, Книга Жизни. Но читать ее может лишь тот, кто смотрит в нее чистым оком и чистым сердцем. Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности (2 Тим. 3, 16). Это сказано о Священном Писании, но то же самое можно сказать и о со творенном мире, ибо и это – Писание, и оно начертано великой десницей Святой Троицы».

Откуда же в людях столько непонимания духовного слова? «Людям затруднено проникновение в смысл слова, – пишет Игорь, – затруднено приобщение к силе слова, и тем самым затруднено сознание истины – только действием (могуществом) греха. Это следствие падения, преступления заповеди Божией. Адам не послушал слова, т. е. отвергся сам от понимания смысла, как бы разделился с ним, и мгновенно образовавшийся промежуток заполнил грех... Путь восстановления возможности слушания Слова и Его постижения и приобщения к Нему – вот смысл наших трудов».

Это серьезный уровень богомыслия. С ним пришел Игорь Росляков в монастырь, собираясь углублять свое понимание духовной жизни. Он еще даже не послушник, а душа его уже начинает монашествовать... Вот идет Великий пост 1989 года. Вслед за преподобным Андреем Критским, вероятно, – памятуя и «Плач инока» святителя Игнатия, Игорь изливает всю боль своего истинно покаянного состояния в дневнике. Он пишет целый ряд тропарей и стихир. Они производят сильное впечатление, хотя частью не доработаны и имеют множество вариантов. Окончательной отделки нет, а может быть, это было и не нужно ему: дневник не предназначался для постороннего глаза. Но вот теперь мы читаем эти необычайной духовной красоты покаянные обращения к Господу.

«Откуда прииму слезы, еще не от Тебя, Боже? – говорится там. – Камо гряду в день печали, еще не во храм Твой, Владыко? Идеже обрящу утешение, еще не в словесех Твоих, Святой? Не отрини мене, Господи, и ныне помяни мя.

Яко Савл неистовствую на Тебя, Боже, ревностно гоню благодать Твою от себя, но Ты Сам, Владыко, явись сердцу моему, и ослепи оное светом любви Твоей, и аз, окаянный, возглашу: Что сотворю, Господи? (дабы ослепло оное от света любви Твоей и возгласило: Кто Ты еси, Господи?)

Отче, восстави мя – аз пред грехом коленопреклонен пред тобою; Сыне, изведи мя из места студного моего жития; Святой, освяти ночь странствия моего; Троице непостижимая, да достигну Тебя безудержным покаянием.

К Тебе гряду, Отче, и утаити замышляю, яко Анания и Сапфира, часть души своей на дела постыдные; Тебе, Владыко, вручаю (приношу) житие мое, обаче тайную надежду полагаю в крепости моей (но тайно надеюсь на свою крепость); восстаю утрению Тебе славить, Святой, и сокрываюсь лукаво словес Твоих (и уготовляю часть некую лукавых словес); призри на немощь мою, Господи, и испепели тайное мое и Сам яви мя неосужденна пред Собою.

Ничесоже приемлет душа моя в утешение: еще окрест воззрю, лицемерный и лукавый приближается ко мне, еще ночь покрывает мя (сокроюсь ли в ночи), нечестие сердца моего поражает мя, несть мне прибежища; один токмо плач утверждение и упокоение мое.

Обличил мя, Господи, и преклонен есмь (приклонихся) пред Тобою; покрывшася очи мои власами главы моея, да не узрит и ночь слез моих; токмо Тебе, Боже, – печаль моя; не оставь меня, смятенного, посети и спаси мя».

Это голос души глубоко христоролюбивой.

Появляются в дневнике и оптинские моменты. Из «Исторического описания Оптиной Пустыни» Игорь выписал надпись на памятнике И. В. Киреевскому, который похоронен был в Оптиной Пустыни как трудившийся на ее благо: «Премудрость возлюбих и поисках от юности моея. Познав же яко не инако дерзну, аще не Господь даст, приидох ко Господу»¹. Это только одна из надписей. Игорь, очевидно, увидел в ней близость к своей жизни. Из той же книги архимандрита Леонида в дневнике Игоря – отрывок из «Духовной грамоты» оптинского игумена Авраамия (у о. Василия в дневнике: «Духовное завещание»), скончавшегося в 1817 году: «Отнелиже бо приях святейший иноческий образ и постригохся в Московской епархии, в Николаевском Пешношском монастыре в тридесять третье лето возраста моего и обещах Богови нищету изволенную имети; от того времени даже до приближения моего ко гробу не стяжах имения».

Вообще во всем дневнике о. Василия почти нигде не выражается «чувство немолитвенно». Но, конечно, выписал он часть грамоты игумена Авраамия как свое, близкое, чего бы и он хотел до стичь. А еще дороже оно ему оттого, что оно оптинское.

17 апреля по распоряжению отца наместника Игорь Росляков был в числе десяти рабочих принят в послушники и на следующий день переселен из Скита в один из братских корпусов монастыря. Запись о переезде Игорь заключил молитвенным прошением: «Батюшка Амвросий, не остави нас!» 29 апреля, в Страстную Субботу, восемь послушников, и среди них Игорь, были одеты в подрясники. 30 апреля, на Пасху, он пишет: «Милость Божия дается даром, но мы должны принести Господу все, что имеем».

Как бы предугадывая, что получит послушание летописца (он был им назначен осенью того же года, 22 сентября), Игорь пишет духовный очерк о праздновании Пасхи в Оптиной в 1989 году. Со хранился черновик, на самом деле – уже почти беловой текст. Это действительно историческая запись – и по описываемому событию, и в отношении самого автора, будущего мученика, который встретит еще лишь четыре Пасхи. Четвертая в его жизни будет последней.

Дневник Игоря отражает самое важное – жизнь его души. Всякая суэта отринута. Он не пишет о том, кто рядом с ним живет, что делает, какие случаи и встречи бывают. Он сразу встал на путь молитвенного уединения.

9 мая 1989 года запись: «Почему Евангелие трудно читать? Господь отвечает не на вопрошение уст, а на сокровенные помыслы сердца...»

13 мая, в день памяти святителя Игнатия: «Молиться святителю о даровании слез и покаяния». Творения святителя Игорь уже прочел, но не отложил в сторону: это чтение навсегда. Он связал с именем святителя покаяние. В дневнике о. Василия среди его стихир – большинство покаянных, – шло это не от ума, а от сердца.

25 мая он пишет: «Стыжуся просити, окаянный, не имам словес к Тебе, Господи, токмо руце простираю и сердце, и яко нищий всеми отверженный и презренный, милости прошу и пропитания скудного (и прощения подавание).

Ищу Тебе, Господи, и не обретаю; яко слепец ищу Тебе и поводыря не имам; тьма спеленала мя и отчаяние объяло мя; при дороге сижу и ожидаю, когда мимо идеши и услышиши стенания моя.

Слышу заповедь Твою: стучите и отверзется вам, но скорбь, Господи, одолела мя, связала руце мои и нозе мои, лишила мужества душу мою; при дверех сижу со плачем безмолвным: отверзи, Господи, и призри на мя, яко на расслабленного иногда».

¹ См.: Прем. 8: 2, 21.– Зд. и далее примеч. ред.

Запись 3 июня: «Покаяние делает наше дело поистине добрым делом».

Покаяние не исключает духовных радостей. Вот идут оптинские иноки 14 мая крестным ходом на святой источник преподобного Пафнутия Боровского: «Повторение пасхальной радости», – пишет по этому поводу послушник Игорь, как всегда кратко. А далее черновик начала одной стихиры и двух полных, вошедших впоследствии в составленную им службу оптинским старцам.

В тишине своей кельи, думая о судьбах Оптиной Пустыни, о ее святых старцах, слышимый одному Господу, воспевает будущий мученик за Христа: «Воды, вспять возвратитесь и о временах утекших нам поведайте (возвестите); древа восклонитесь, труды и печали сокрытия являя (явите); воскресните прах и камни (пепел), красоту древнюю зрети сподобите (сподобляя); вси бо узрим и ужаснемся, вся бо уведем и устыдимся; молим вас, отцы преподобные, не отвергните сынов недостойных, память вашу посильно совершающих» (25 мая 1989).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.